

Шэнь Чэн перевел взгляд на две большие свечи в руках Цзянь Шиву.

Пухлый мальчик беспокоился, что подобный сюрприз может не понравится Шэнь Чэн, но тот вдруг спросил:

- Ты собираешься поместить их в лапшу?

Руки Цзянь Шиву задрожали.

Он мельком взглянул на миску лапши, на самом деле, беря с собой свечки, Цзянь Шиву особо и не задумывался о том, куда их поставит...

Да уж, в этот раз он облажался.

Однако во взгляде Шэнь Чэна промелькнуло веселье:

- А потом всю эту конструкцию украсишь моей фотографией?

Цзянь Шиву замер, а потом залиvisto рассмеялся.

Немного расстроившись, он отложил свечки:

- Ладно, тогда не будем их зажигать.

Шэнь Чэн, заметив его разочарованный взгляд, взял свечи в руки:

- Я подержу их, а ты достань зажигалку и зажги.

Цзянь Шиву мигом стал гораздо счастливее и ярко улыбнулся, затем вытащил из кармана зажигалку и зажег свечки:

- Готово!

Действие это выглядело весьма странно, однако два подростка все же сумели зажечь свечи, комнату осветило слабое мерцание. Сегодня Шэнь Чэн впервые за четырнадцать лет праздновал свой настоящий день рождения. В честь этого два подростка зажгли свечи в этом дешевом старом отеле.

Цзянь Шиву сел за столик и с предвкушением произнес:

- Загадывай желание.

Шэнь Чэн также устроился за столом, и спокойным взглядом своих черных глаз следил за пламенем свечи, он долго и молча сидел, прежде чем задул свечи.

Цзянь Шиву, ведомый любопытством, спросил:

- Что ты загадал?

- А ты сможешь исполнить мое желание?

Цзянь Шиву растерянно почесал затылок:

- Э? Ну, наверное, нет.

Шэнь Чэн отвел взгляд:

- Тогда тебе незачем знать ответ.

- ...

Цзянь Шиву не нашел, что на это ответить.

Но поскольку с Шэнь Чэном он общался часто, то уже привык к подобным резким высказываниям. Цзянь Шиву сменил тему:

- Ешь скорее лапшу, если она остынет, то станет невкусной.

Шэнь Чэн, кивнув, взял палочки для еды.

Был уже вечер, тишину в номере прерывало размеренное тиканье часов, а дождь уже прекратился. Шэнь Чэн приступил к лапше, а Цзянь Шиву смотрел на него и с предвкушением спросил:

- Вкусно?

Шэнь Чэн не ответил на этот вопрос, он, отложив палочки, вместо этого спросил:

- Ты что-нибудь ел?

Шэнь Чэн был уверен, что Цзянь Шиву уже перекусил чем-нибудь, пока был на первом этаже.

А сам Цзянь Шиву покраснел:

- Я забыл о голоде, пока готовил.

Шэнь Чэн уточнил:

- В кастрюле осталось еще?

Цзянь Шиву сначала хотел ответить положительно, а потом вспомнил о Цзи Бэйчуане, который скорее всего уже доел остатки.

На самом деле Шиву ненавидел грубого и эгоистичного Цзи Бэйчуаня, с которым они вечно спорили и вступали в конфликт. Этот ребенок действительно раздражал.

Но когда Бэйчуань смотрел на лапшу, Цзянь Шиву увидел в нем себя.

В предыдущей жизни он ведь был точно таким же, разве нет? Многие люди ненавидели его, Цзянь Шиву, столько же сильно, как и Бэйчуаня, а в конце концов, он потерял все, что у него было. Цзянь Шиву, пусть и поздно, но осознал свои ошибки и хотел искупить их.

Цзи Бэйчуань, сидя тогда за столом, хотел, чтобы к нему проявили хоть немного доброты, точно также, как в свое время этого желал Цзянь Шиву. Но, к сожалению, в то время, когда он потерял родителей, а затем и сам умер, попав в дождливый день в аварию, никто не протянул ему руку помощи.

Голос Цзянь Шиву был немного охрипшим от нахлынувших воспоминаний:

- Там уже ничего не осталось.

Шэнь Чэн перевел взгляд на висящие на стене часы:

- Жена владельца скорее всего уже спит.

- Все в порядке.

Цзянь Шиву подпер рукой подбородок и посмотрел на Шэнь Чэна, а затем наклонился к нему почти вплотную:

- Я буду считать это частью диеты, на самом деле мне кажется, я в последнее время немного сбросил в весе, ты не заметил?

Расстояние между их лицами равнялось всего нескольким сантиметрам.

От Цзянь Шиву слегка пахло молоком, когда Шэнь Чэн почувствовал на своем лице дыхание мальчика, то все его тело напряглось.

Шэнь Чэн ответил:

- Нет.

Цзянь Шиву, обидевшись, вернулся на свое место.

Шэнь Чэн, однако, не продолжил трапезу, а встал и достал из ближнего шкафа лапшу быстрого приготовления. Вскрыв упаковку, он высыпал лапшу в миску и залил ее кипятком, а затем протянул Цзянь Шиву:

- Можешь съесть это.

Цзянь Шиву был удивлен:

- Это же твоя еда, я не могу ее съесть.

Шэнь Чэн, взяв палочки в руки, вновь приступил к поеданию лапши:

- А разве я сейчас не ем?

- Ешь.

- Так в чем проблема?

- ...

Звучит логично.

На самом деле Цзянь Шиву был удивлен тем фактом, что Шэнь Чэн поделился с ним едой только потому, что он был голоден и даже помог ему с домашним заданием.

В предыдущей жизни их отношения были столь же теплыми, как кусок льда. Вероятно, даже если бы Цзянь Шиву корчился от боли на коленях перед Шэнь Чэном и умирал от голода, тот бы даже не моргнул – этот человек всегда был холоден. Одно лишь воспоминание об этом заставило Цзянь Шиву содрогнуться.

Но в действительности он... все еще тосковал по тому времени. Цзянь Шиву словно был мхом, растущим в углу и мечтавшим погреться в лучах солнца, словно был старой, пыльной игрушкой на полке, что желала вновь ощутить прикосновения рук владельца. Он совершал много глупостей, поскольку его мечтам все равно было не суждено сбыться.

Цзянь Шиву взял в руку палочки и, опустив голову, прошептал:

- Тогда я поем, эх.

Шэнь Чэн передал ему яйцо и уверенно произнес:

- Вот, держи.

Его голос немного успокоил Цзянь Шиву. Тот замер, а затем мягко улыбнулся.

Следующий день.

Травма ноги Гао Джан почти что зажила, и та уже могла нормально ходить, поэтому к ней в палату прибыла полиция.

Доказательства ее вины были столь очевидны, что почти что не требовали дополнительного расследования. К тому времени, как приехала полиция, все, включая Цзи Бэйчуаня, уже собрались в больнице.

Сама же Гао Джан, возможно, ожидавшая подобного исхода событий, не была удивлена и даже не сопротивлялась аресту. Только когда на нее надели наручники, она взмолилась:

- Товарищ полицейский, я хочу поговорить с моим сыном, пожалуйста, это не займет много времени.

Полицейский обернулся.

Цзи Бэйчуань стоял в дверном проеме и спокойной смотрел на Гао Джан. Еще пару дней назад он начинал плевать ядом при упоминании ее имени, но сейчас, понимая, что Гао Джан попадет в тюрьму, не отталкивал ее:

- Дядя, дай нам всего минуточку.

После этих слов полицейский вышел из комнаты, напоследок предупредив:

- Только быстро.

Дверь закрылась, и в комнате повисла тишина.

Цзи Бэйчуань недовольно посмотрел на женщину:

- Чего тебе нужно?

Гао Джан уже была одета в тюремную форму, ее изможденное лицо было на удивление спокойным:

- Твоя мама просто хочет тебе сказать, чтобы ты оставался с семьей Цзи.

Цзи Бэйчуань скривился.

Если бы эта женщина спокойно уехала из города, то так бы все и было!

Гао Джан неотрывно смотрела на сына:

- Неважно, каким методом ты воспользуешься, хоть проси президента Цзи, хоть умоляй на коленях старшее поколение, просто сделай так, чтобы тебе позволили остаться!

Цзи Бэйчуань прорычал сквозь зубы:

- Думаешь, Шэнь Чэн стерпит мое присутствие рядом? У меня нет шансов!

Взгляд Гао Джан был полон мрака, поскольку она скоро сядет в тюрьму, то больше уже ничего не боялась, а потому медленно подошла к сыну и, наклонившись, властно прошептала:

- Шанс - это то, что ты сам создаешь и чего достигаешь сам.

Цзи Бэйчуань вздрогнул.

Гао Джан, улыбнувшись, похлопала Цзи Бэйчуаня по плечу:

- Шэнь Чэн уже не тот, что раньше. Сейчас у него есть слабость.

Цзи Бэйчуань среагировал молниеносно:

- Какая?

Гао Джан подошла к двери и, схватив дверную ручку, ответила:

- То, о чем он заботится.

Цзи Бэйчуань еще даже не успел осмыслить слова Гао Джан, как она тут же вышла за дверь, где ее уже ждал полицейский. Он забрал ее, и в коридоре остался Шэнь Дашань.

Вообще-то по закону Шэнь Дашань был соучастником преступления, а потому тоже должен быть осужден, однако поскольку он был инвалидом с несовершеннолетним ребенком, то подал заявление на условный срок.

В коридоре остались еще люди, в том числе и Цзи Юаньшэн.

Шэнь Дашань, сгорбившись, подошел к Цзи Бэйчуань и поклонился Цзи Юаньшэну с Шэнь Чэном, а затем произнес:

- Извините за все, мы с Бэйчуанем сейчас уедем.

Цзи Юаньшэн кивнул:

- Удачной дороги.

Бэйчуань не хотел уезжать с этим человеком, чья дешевая и потрепанная одежда ярко контрастировала с дорогим костюмом Юаньшэна. Он всегда гордился, что был частью благородной семьи Цзи, однако сейчас ему предстояло уйти вместе с Шэнь Дашанем, навсегда попрощавшись с Цзи Юаньшэном. Бэйчуань будто бы прощался со своей прежней жизнью.

Цзи Бэйчуань замер на месте, уставившись на Юаньшэна:

- Папа...

Цзи Юаньшэн, нахмурившись, взглянул на Шэнь Чэна: он уже давно понял, что до него хотели донести Чжэнь Мэйли и Цзянь Шиву. Бэйчуань оставался в семье Цзи до сих пор лишь по той причине, что Шэнь Дашань ухаживал за травмированной Гао Джан.

До этого дня, сколько бы раз он ни пытался поговорить с Шэнь Чэном, это было бесполезно: его родной сын игнорировал своего отца и не хотел возвращаться домой, пока там был Цзи Бэйчуань. Вчера, на горе Фэнтай Юаньшэн почти достучался до Шэнь Чэна, но из-за Бэйчуаня все пошло насмарку. В тот день президент крупной компании испытал самое сильное разочарование за последние десять лет.

Он хотел быть с Шэнь Чэном, но это невозможно, пока Цзи Бэйчуань был с ними. Поэтому сегодня, раз Гао Джан уже забрала полиция, Цзи Бэйчуань мог уехать с Шэнь Дашанем, а Юаньшэн мог воспользоваться возможностью и увести Шэнь Чэна, своего родного сына, в их дом.

Цзи Юаньшэн сказал:

- Не называй меня больше папой, твой отец стоит рядом с тобой.

Цзи Бэйчуань резко опустил головой и нарочито медленно поплелся к выходу, словно ожидал прибытия тех, кто его спасет. И действительно, через пару секунд двери на лестничную площадку открылись, и в коридор прибежала пара роскошно одетых пожилых людей. У них на лице отразилась паника, однако у старушки паника быстро сменилась на ярость.

Увидев Цзи Бэйчуаня, она воскликнула:

- Бэйчуань!

Цзи Бэйчуань радостно улыбнулся:

- Бабушка.

Пожилая мадам крепко обняла внука, а затем с отвращением посмотрела на Шэнь Дашаня:

- Ты Шэнь Дашань?

Тот не знал, кто эти люди, но все равно кивнул.

Пожилая мадам Цзи даже не скрывала своих чувств, когда кинула взгляд на Цзи Юаньшэна, а, заметив Шэнь Чэна, застыла на месте, ее сердце забилось в два раза сильнее. Она не ожидала, что этот ребенок будет так похож на Шэнь Ютин! Одна лишь мысль о той женщине вызывала у мадам Цзи гнев, к Шэнь Чэну она уже прониклась ненавистью.

Старушка, сердясь, обратилась к сыну:

- Разве я не говорила тебе, чтобы ты не отсылал Бэйчуаня? Тебе что, жалко для него лишнего куска хлеба, раз ты хочешь отправить его в ту семью?

Цзи Бэйчуань, смотря на телохранителя, стоящего у лифта, медленно нахмурился.

Тот опустил голову, сгорая от стыда. Президент Цзи ясно приказал ему следить за лифтом и не позволять мадам Цзи подняться на этот этаж, чтобы она не попала на глаза Шэнь Чэну. Но никто и представить не мог, что она поднимется по лестнице!

Цзи Юаньшэн остался спокоен:

- Все уже решено.

Старушка поперхнулась воздухом, почувствовав, как Цзи Бэйчуань задрожал в ее объятиях, он был расстроен. Мадам Цзи зло посмотрела на Шэнь Чэна:

- Ты не признаешь Бэйчуаня своим сыном, а я не признаю этого парня своим внуком. Я бабушка Бэйчуаня, а не его!

Эти слова были крайне неприятными.

Шэнь Чэн еще не успел официально войти в семью, как многие уже ополчились против него.

Цзи Юаньшэн нахмурился. Юаньшэн был немного расстроен: он просто хотел забрать своего сына домой, но из-за некомпетентного телохранителя его родной ребенок столкнулся с новой проблемой в виде бабушки! Юаньшэн обеспокоенно взглянул на Шэнь Чэна, опасаясь, что тот расстроился.

Но...

Чего Цзи Юаньшэн точно не ожидал, так это того, что Шэнь Чэн равнодушно посмотрит на мадам Цзи и произнесет:

- Мадам, я думаю, ты ошиблась кое в чем.

Старушка недоверчиво посмотрела на парня.

Шэнь Чэн смотрел на нее своим холодным, пронзительным взглядом, точно таким же, как на нее много лет назад смотрела «та» женщина.

Уголки губ Шэнь Чэна немного поднялись, и он саркастично усмехнулся, приподняв бровь:

- Разве я говорил, что мне нужно твое признание?